

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.8>

Коновалов Андрей Анатольевич, Битокова Тамара Владимировна

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭМАНСИПАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ ЖЕНЩИН КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 1920-1950-Е ГГ.

Работа посвящена исследованию процессов смены гендерного дисплея и эмансипации женщин Кабардино-Балкарии в период 1920-1950-х годов. Процесс эмансипации рассмотрен в данной статье с точки зрения ментальности и повседневности народов Кабардино-Балкарии. Авторы приходят к выводу об экзогенном характере социальных изменений. Доказывается, что в ситуации катастрофических обстоятельств войны и репрессий, а также политической борьбы советской власти с патриархальными отношениями происходит изменение поведенческих фреймов населения республики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/8.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 52-56. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94; 396(470.64)

Дата поступления рукописи: 19.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.8>

Работа посвящена исследованию процессов смены гендерного дисплея и эмансипации женщин Кабардино-Балкарии в период 1920-1950-х годов. Процесс эмансипации рассмотрен в данной статье с точки зрения ментальности и повседневности народов Кабардино-Балкарии. Авторы приходят к выводу об экзогенном характере социальных изменений. Доказывается, что в ситуации катастрофических обстоятельств войны и репрессий, а также политической борьбы советской власти с патриархальными отношениями происходит изменение поведенческих фреймов населения республики.

Ключевые слова и фразы: гендер; эмансипация; женская история; повседневность ссыльных; кабардинки; балкарки; Кабардино-Балкария.

Коновалов Андрей Анатольевич, к.и.н., доцент

Битокова Тамара Владимировна

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
hotunculus2@yandex.ru; bittoma7@gmail.com*

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭМАНСИПАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ ЖЕНЩИН КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 1920-1950-Е ГГ.

1. Введение

Актуальность. В последние десятилетия гендерная история стала одной из самых бурно развивающихся исторических субдисциплин. Интерес к ней обусловлен радикальными изменениями в жизни полов в XX веке. Кабардинцы и балкарцы в 1920-1950-х годах пережили резкую смену типа гендерных отношений. Это время стало для них завершением транзита от традиционного к индустриальному обществу. Актуальным проблемным полем представляется исследование противоречивого сочетания элементов консерватизма и модерна в гендерных отношениях в условиях этого сложного, порой травматичного процесса. После революции 1917 года модернизация полоролевого поведения и гендерного самосознания заметно ускорилась, произошла смена инновационного типа их развития на мобилизационный. А катастрофические обстоятельства (Великая Отечественная война и депортация балкарского народа) придали этому процессу уникальный характер.

Изучение традиционных обществ, какими оставались кабардинское и балкарское на рубеже веков, с использованием гендерного подхода представляет особый интерес.

Научная новизна. Гендерная проблематика стала предметом исследований в северокавказском регионе относительно недавно. Следует отметить, что некоторые аспекты половозрастных отношений в дореволюционной Кабардино-Балкарии были рассмотрены советскими историками в рамках общих исследований по культуре народов республики [9; 13]. В постсоветский период были написаны специальные работы, посвященные женской истории, такими исследователями, как М. А. Текуева [14], Л. Х. Гукетлова [5], Л. Х. Сабанчиева [12] и др.

Изучение женской эмансипации на Северном Кавказе в советской историографии в основном ограничивалось рамками политической истории, тогда как проблема, поднимаемая в настоящей статье, посвящена изменению женских поведенческих фреймов, обусловленному социальными процессами в 1920-1990-е гг.

Основная **цель** данной статьи – ответить на вопросы об особенностях и продолжительности этапов эмансипации женщин в Кабардино-Балкарии; о факторах, повлиявших на эти процессы; и, наконец, как отразилась эмансипация на мужском населении республики.

Для достижения поставленной цели нам предстоит решить следующие **задачи**:

- выявить основные факторы трансформации гендерных ролей;
- составить периодизацию процесса эмансипации в Кабардино-Балкарии;
- найти подтверждение выдвинутым тезисам в полевом материале и нарративных источниках;
- исследовать особенности изменения женской гендерной специфичности кабардинок и балкарок в 1920-х – середине 1950-х гг.

Технология исследования. Гендерная методология предполагает «не только экспертизу социально-исторических явлений с учетом фактора пола, но и изучение опосредованной отношениями полов социальной действительности, ее изменений в пространстве и во времени» [10, с. 277]. Этот подход позволяет проследить, как складывались гендерные стереотипы, какие средства способствовали сознательному и бессознательному определению индивидом своего места в социуме и преимуществ полоролевых статусов. Исследуя главным образом нарративные материалы, мы охватываем такие аспекты, как эмоциональные переживания, нюансы отношений, трансформации половых ролей, влияние гендерных различий на формы и возможности адаптации [3, с. 42] и т.д.

Мы считаем важным обозначить **географические рамки** исследования – территория Кабардино-Балкарии – в связи со следующими обстоятельствами. Во-первых, будучи одной из северокавказских республик, Кабардино-Балкария имела ряд общих черт с соседними национальными автономиями. В первую очередь речь идет о традициях как культурных, так и религиозных – ислам стал религией, объединившей горские народы в XIX веке в период сопротивления русской колонизации. После окончания Кавказской войны народы

Северного Кавказа были включены в общий контекст российской истории: советские преобразования, Великая Отечественная война определили общую судьбу народов страны. При этом история Северного Кавказа имела существенную специфику, главным проявлением которой стала депортация ряда кавказских народов (чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев) в послевоенные годы, послужившая причиной их травматического опыта. Во-вторых, прослеживается различие между эмансипацией в Кабардино-Балкарии и этим же процессом в восточнокавказском регионе. Кабардино-Балкария, как и другие области Центрального Кавказа, в большей степени была втянута в процесс социалистической модернизации, а позже и европеизации, и сегодня отчетливо заметна разница между положением женщины в разных республиках на Северном Кавказе, прежде всего на Западе и Востоке региона.

2. Описание результатов

Результаты. Основными задачами молодого государства в 1920-е годы становятся модернизация всех сторон общественной жизни, обновление основ жизненного уклада и установление социальной справедливости, как она тогда понималась. Светлое будущее должно было быть обеспечено всему населению: мужчинам и женщинам, русским и национальным меньшинствам. В XX веке народы Кавказа испытывают серьезное вмешательство в свою традиционную культуру со стороны советского правительства.

Но невозможно в течение одного дня – 25 октября 1917 года – директивно изменить мировоззрение отдельных людей и целых народов, много веков живущих патриархальным укладом. Для преобразования повседневного быта на основе гендерного равенства кабардинцам и балкарцам потребовалось несколько десятилетий.

Рассматривая женскую историю Кабардино-Балкарии в период с 1920-х по 1990-е годы, мы можем отметить, что горянки не выступали инициаторами своего раскрепощения. Современное положение женщины – это результат длительного воздействия внешних причин на положение и поведение женщины. Доминирование экзогенных факторов делает женщину не субъектом, а объектом эмансипации.

Политическая эмансипация начинается в 1920-е годы, когда государственные мероприятия по освобождению женщины были необходимы для кавказского региона, где патриархальные традиции были очень прочны. В отличие от средней полосы России, Северный Кавказ имел свою специфику в борьбе за женское равенство. Среди большинства местных народов был распространен так называемый «народный ислам», адаптированный к традиционному этническому сознанию. Религиозные установки и патриархальные традиции сопротивлялись ветру перемен. Все, что шло из «русского центра», привычно воспринималось как колониальное давление, разрушительное для этнической самобытности [15, с. 309]. И эти опасения были оправданы позже, когда естественная эволюция положения женщины была заменена «спланированной революцией» [1, с. 173].

Однако источники свидетельствуют, что молодые представительницы кабардинского общества уже в первые годы советской власти воспользовались социальными преимуществами нового времени. Так, например, отдельного внимания заслуживает заметка, опубликованная в 1924 году в газете «Карахалк» о Куце Берсековой, которую выдали замуж в 13-летнем возрасте без ее согласия за некоего Жагафара Калова. В первые несколько лет замужества Куца предприняла три попытки сбежать от мужа в свой дом, но отец раз за разом, согласно традициям, возвращал ее Жагафару. Потеряв отца, Куца предприняла еще одну попытку и решительно сказала, что не намерена больше жить в доме своего мужа. Однако тот 17 июня 1924 года вместе со своими друзьями против воли девушки увез ее в селение Кишпек [7]. Тогда Куца обратилась в кишпекский сельсовет с просьбой о помощи, где были приняты меры: Жагафар Калов был привлечен к уголовной ответственности, а брак между супругами расторгнут [17, д. 83, л. 225].

Особенностями этого периода эмансипации было насаждение идей освобождения женщины извне – со стороны государства. Впервые в истории региона мужчина утратил полноту своей власти, но на раннем этапе «строительства социализма» – только в правовом отношении. Содержание национально-культурной политики должно было представлять собой комплекс задач по созданию политического сообщества людей, способных понимать и адекватно реагировать на процессы модернизации в стране [8, с. 43].

Некоторые процессы были направлены на решение не только правовых вопросов, но и социокультурных. Так, в конце 1920-х годов широкую известность получила кампания «Пальто – горянке»: у женщин в традиционном адыгском обществе не было теплой верхней одежды. Эта особенность традиционной материальной культуры объяснялась ограниченностью свободы передвижения женщин за пределами усадьбы. Публичное пространство в то время было исключительно территорией мужчин. Мир женщины почти полностью ограничивался пространством жилища и прилегающих окрестностей. На жизнь за их пределами они смотрели глазами мужчин: отца, брата, мужа. Социальная реальность села также воспринималась ими посредством особой «женской» оптики. У них не было дел за пределами усадьбы, поэтому и не было необходимости в теплой одежде зимой. Эмансипация включала горянку в общий социокультурный контекст населенного пункта. Целенаправленное обеспечение женщин зимней одеждой придавало им мобильность во всех смыслах этого слова. Сама кампания была направлена на повышение числа избирателей за счет женщин в период зимних перевыборов в сельсоветы. Значимость женщины в обществе возрастает, ее образ жизни становится подвижным, расширяются географические рамки ее возможностей – теперь она может существовать без мужчины, и это заслуга 1920-х годов.

Но как же женщине, оставшейся без мужского доминирования, справиться с обретенной самостоятельностью в бытовых делах и экзистенциальной свободой?

Эмансипация ментальности для кабардинок и балкарок переживала сходные этапы, которые, однако, не были абсолютно хронологически симметричными. Репрессии 1930-х годов пережили обе титульные национальности

Кабардино-Балкарии, однако этнической депортации в 1944 году подверглись балкарцы, кабардинцев она обошла стороной. Одной из форм репрессий были ссылки, коснувшиеся и кабардинцев. В связи с этим мы определяем этот этап эмансипации для кабардинок и балкарок по-разному: 1930-1940-е гг. и вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. соответственно.

1937 год стал апогеем репрессивной политики. Мужское население края было сильно сокращено из-за арестов и ссылок. Репрессии осуществлялись выборочно, члены семей «врагов народа» разводились по разным тюрьмам, ссылкам и детским домам, родственные и социальные связи, как и связь с родиной, разрывались [16, с. 152].

В 1940-е годы депортация балкарцев осуществлялась в одночасье, массовое переселение не означало полного разрыва с родственниками и языком. 8 марта 1944 г. были выселены 37713 балкарцев. В процентном соотношении из общего числа высланных 52% были детьми, 30% – женщины, 18% – мужчины: инвалиды войны и старики [11, с. 19].

Многие женщины-балкарки оставались без отцов и мужей – они были либо убиты в Гражданской войне, либо раскулачены, либо воевали на фронте. Вся тяжесть ссылки, необходимость заботиться о детях и стариках, а также налаживание отношений с местным населением и с новыми соседями выпали на долю женщины.

Большим испытанием для женской части высланных была и сама дорога. Разграниченное жилое пространство традиционного общества никак не соотносилось с условиями вагонов, в которых находились высланные. Пребывание в тесном пространстве, необходимость спать, есть, кормить детей, справлять физиологические потребности на виду у посторонних мужчин, старших родственников и т.п. стали испытанием и для женщин, и для мужчин.

Самым незащищенным слоем в ходе депортации были беременные женщины и молодые матери. Условия ссылки вынуждали их идти на физические и моральные жертвы: в памяти народа остались сюжеты, когда мать вынуждена была отказаться от своего ребенка, так как в экстремальных условиях не сумела применить повседневный традиционный опыт.

Страшный удар в период репрессий пришелся по матерям. Об этом, например, свидетельствует история, рассказанная Фатимой Узденовой (1965 г.р., записано в с. Учкеек в июле 2012 г.) о своей бабушке и матери пятерых детей Цацмы Хубиевой. После смерти мужа Цацма вынуждена была много работать, чтобы прокормить детей, но осознав, что не сможет вырастить всех, стала большую часть еды отдавать старшим детям. Это решение спасло трех старших. Случившееся сильно влияло на Цацму, после много раз стояла в сарае «с веревкой в руках», но ее останавливало то, что оставшиеся дети без нее не выживут.

Балкарцы, высланные в восточные степные регионы, не могли приспособиться к новым природно-климатическим условиям. Эпидемии сократили численность ссыльных почти вдвое. Похоронные обряды в культуре кабардинцев и балкарцев максимально регламентированы как традиционными, так и религиозными установками. Само захоронение, молитва и другие ритуальные действия осуществляются только мужчинами. Женщинам не разрешалось присутствовать на кладбище и тем более участвовать в соответствующих процессах. Катастрофические обстоятельства депортации размыывают поведенческие фреймы, позволяют женщине вступить на табуированную территорию. Отношение к смерти в традиционном обществе базируется на прочно закрепленных в народном сознании основах и недопустимости нарушения устойчивых ритуальных запретов. Народная эсхатология выражалась в убеждении, что подобающее погребение необходимо для того, чтобы не нарушить правила загробной жизни. Незнание места захоронения, отсутствие уверенности в его существовании вообще превращает горе женщин в бесконечное чувство вины и беспокойство о его посмертной судьбе [4, с. 130]. Этот фактор вынуждал женщин идти наперекор принятым нормам похоронной обрядности.

В процентном соотношении женщин оставалось больше мужчин. На них зачастую и ложилась ответственность за организацию похорон. В народной памяти сохранились сюжеты, когда родственники умершего, ввиду своей физической слабости, собирали еду, чтобы оплатить рытье могилы посторонним людям [11, с. 19].

Погребение умерших становилось проблемой для семей, состоявших из одних женщин с детьми. Некоторые спецпоселения вымирали полностью, и некому было совершать похоронные обряды. Нами записан рассказ Ц. К. Бурановой – ссыльной кабардинки, жившей в условиях, сходных с теми, в которых находились балкарцы (совпадают временной период пребывания в ссылке, географический и климатический регион, условия жизни). Она рассказывает, как ей пришлось одной хоронить родственницу, сосланную в соседний с ней поселок: «Не имея от нее вестей, я поехала к ней и обнаружила ее мертвой... Рядом сидел обессиленный от голода малыш, а другой младенец искал материнскую грудь... Пока я рыла могилу, тело стало распухать. Пришлось расширять могилу... Трижды... Тело пухло...» (записано в 2012 г., с. Герменчик).

Серьезным испытанием для всего народа СССР была Великая Отечественная война. Женщины, оставшиеся в тылу, приняли на себя многие мужские обязанности. Трагические события способствовали разрушению традиционных фреймов и дальнейшему процессу эмансипации. Воспоминания Цоцы Коновой, комсомолки 1930-х гг., содержат следующий эпизод о войне. «Самые горькие дни моей долгой жизни – это зима 1942-1943 гг. Когда немцы стали подходить к Нальчику. <...> В ночь перед новым 1943 годом фашисты расстреляли более 600 человек. Трупы закинули в противотанковые рвы, а сами стали отступать. Среди убитых был мой старший брат – директор крахмального завода, коммунист Алим Котов. Мы, чьи родные были расстреляны, спустились в ров искать своих. Женщины, старики и дети не справлялись с тяжестью тел, которые надо было доставать с глубины трех с половиной метров. Мы привязывали трупы к носилкам и поднимали по одному

на веревках. Только на третий день я нашла тело своего брата. Погрузила его на санки и повезла на окраину города в Затишье на кладбище. Там меня застала ночь, а я так замерзла, что оставила его на ночь там одного на этих санках. Весь следующий день до вечера я, обливаясь слезами, рыла ему могилу. Похоронила его совсем одна. Мне было тогда 24 года. Оказалось, что в тот же день Советская армия освободила наше село. И пошла я со своей горестной вестью домой, пешком, из Нальчика в Залукокоже. <...> Собрались все родственники, кто мог, и пошли мы опять в Нальчик, чтобы перевести тело моего братика Алима домой, на наше кладбище... Убитая горем мама упала на тело своего сына, а на лицо его мы ей не даем взглянуть, потому что узнать его можно было только по одежде. Она, бедная, припала к заочневшим ногам своего сына и поцеловала их» [2, с. 249-253]. Трагедия утраты и поиск тела среди сотен убитых отягощаются для девушки осознанием, что она нарушает традиционные запреты: женское участие в захоронении покойника, рытье могилы, перевоз тела, невозможность скорбного «сидения», оставление незахороненного на ночь на кладбище, эксгумация и новые похороны. Все – во имя главной на тот момент цели – как можно скорее предать тело земле и необходимости захоронения брата в родном селе [4, с. 131].

Остались многочисленные нарративные свидетельства аналогичных историй, когда женщины в тяжелых обстоятельствах, требующих от них решительности, смелости и стойкости, были вынуждены совершать действия, противоречащие нормам традиционной культуры и несвойственные для женщин.

Эта страница истории подводит нас к мысли о том, что, возможно, именно в эпоху жестокой борьбы за выживание в экстремальных условиях произошел реальный слом патриархальности не только в идеологическом плане, но и на глубоком ментальном уровне. Привычные ежедневные женские обязанности умножились за счет принятия на свои плечи доли мужских проблем и увеличения психологического давления. Роль женщины в экстремальных, близких к катастрофе условиях рассматривается как решающая сила для выживания. Важным и решающим обстоятельством здесь было принятие женщиной коммуникативных функций, налаживание общественных отношений на месте изгнания с местным населением ею лично.

Для обозначения процесса обретения женщинами черт маскулинности, принятия ими на себя закрепленных ранее за мужчинами функций в повседневной жизни в этой статье мы будем использовать термин «функциональная эмансипация».

Функциональная эмансипация настигла балкарок в отдаленных восточных землях, а кабардинки прошли этот процесс на Родине в годы Великой Отечественной войны. Это эпоха, когда нельзя было сказать: «Я устала» или «Я еще мала для этого», «Это не женское дело». Эпоха, которая забрала всё, даровала женщине одно новое качество – впредь она знала, на что способна.

Подтверждением этого может служить история, записанная Жанхикь Жабоевой (1938 г.р., с. Лашкута). В 6-летнем возрасте она была выслана с матерью в Казахстан, ее отец без вести пропал на войне. Первый год жизни на чужбине мама Жанхикь не могла работать – все время болела от перемены климата, но после того как оправилась, пошла работать на шахту и всегда находила, чем прокормить своего ребенка. В 1954 году в возрасте 15 лет Жанхикь была вынуждена бросить школу и пошла работать на кирпичный завод. Так, девочка-подросток и ее мать обеспечивали себя на чужбине без мужской помощи и родственной поддержки [6].

Физическая эмансипация не могла случиться без расширения рамок поведения и взглядов женщин, случившихся в результате репрессий. Следствием этих процессов стала смена гендерного дисплея, в последующие годы женщины будут занимать публичное пространство, работать, кормить семью наравне с мужчиной.

Возвращаясь к военным воспоминаниям Цоцы Коновой, следует обратиться к следующим строкам: «Жители города стали формировать рабочие батальоны для рытья противотанковых рвов. Женщины, чьи мужья, отцы, братья, были на фронте, по 13-14 часов рыли лопатами землю, несмотря на осеннюю слякоть и холод. Я была политруком в одном из них. Помню, в газете о нас написали, что мы выполнили норму на 140%. Вырыть вручную 10-15 кубометров земли, да перебросить ее – это, я вам скажу – немалое... Себя не жалели наши люди: врач Клавдия Владимировна Азарова, учительница Мария Кафоева, мальчишка совсем Шетов... всех разве перечислишь! С таким трудом мы копали эти рвы, а мне пришлось еще раз потом их перекапывать. Сердце рвется, когда я это вспоминаю» [2, с. 249-253].

Кроме того, эмансипация женщин в Кабардино-Балкарии вызвала значительные изменения в повседневной жизни мужчин. Взаимодействие полов в социокультурном пространстве означает реакцию одних на изменение поведенческих фреймов других. По мере освобождения женщин от зависимости, мужчины теряли свою гендерную специфичность так же постепенно. Усиление женщины в правовом и гражданском отношениях сильно ударило по привычному для мужчины поведению. Резкое сокращение численности мужского населения в 1930-1940-е гг. вызвало формирование новых маскулинных фреймов. Послевоенное поколение мальчиков было воспитано сильными, эмансипированными, зачастую одиночными женщинами, что сказалось на их представлениях о жизни, браке и семье. Патриархальная форма брака постепенно сменяется партнерской, жены работают на равных со своими мужьями и являются такими же кормилицами семьи. Рост самостоятельности женского населения, изменения фемининности вынудили мужчин приспосабливаться к новым социальным отношениям и менять свои традиционные поведенческие установки.

3. Заключение

Обозревая ретроспективным взглядом гендерную историю Кабардино-Балкарии в XX веке, мы пришли к следующим **выводам**.

Эмансипация женщин республики – процесс долговременный и комплексный, включающий ряд аспектов, в том числе: правовой, ментальный и функциональный (освоение закрепленных ранее за мужчинами бытовых

функций). Этап правовой эмансипации в Кабардино-Балкарии для женщин обеих титульных национальностей мы определяем 1920-ми годами. Ментальная и функциональная эмансипация кабардинских женщин пришлось на 1930-1940-е годы – период репрессий и Великой Отечественной войны, для балкарок этот период наступил позднее – в 1940-1950-е годы и был связан со сталинской депортацией народа в Среднюю Азию.

Особенностью концептуальных изменений женственности был экзогенный характер, обусловленный двумя внешними факторами:

1. Политика союзного центра. Советская власть критически относилась к традиции в целом и к патриархальному наследию в частности. Достижение гендерного равенства рассматривалась идеологами большевизма как одна из целей социалистических преобразований.

2. Катастрофические обстоятельства. Война и депортация произвели сильное воздействие на психологическое состояние женщины. Сковывавшие ее традиционные устои пали под натиском обстоятельств, сопротивляться которым было невозможно. Опыт экстремального выживания расширил границы женского сознания и показал ее физические возможности, выносливость и стойкость.

На протяжении 30 лет революционные преобразования в государстве, социуме, семье привели к переосмыслению традиционного уклада жизни кабардинок и балкарок. Расширение личного пространства, право на собственность на начальном этапе преобразовалось в освобождение от сковывавших женское сознание оков патриархального общества. Хозяйственная девушка-горянка к середине XX века преобразуется в сильную, независимую, социально значимую личность.

Список источников

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки по литературной теории и истории. Документальные материалы. М., 1998. 408 с.
2. Афаунова Р. Т. Свет далеких звезд. Нальчик: Эльбрус, 2013. 264 с.
3. Гугова М. Х., Нальчикова Е. А., Текуева М. А. Женское лицо в зеркале войны (история изучения и новые исследовательские задачи) // Известия Кабардино-Балкарского госуниверситета. 2012. Т. II. № 2. С. 42-44.
4. Гугова М. Х., Нальчикова Е. А., Текуева М. А. Традиции траура и их трансформация в женском военном быту (1941-1945) // Единство народов Советского Союза – важнейший фактор победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (к 70-летию Великой Победы): сборник статей. Нальчик: КБИГИ, 2015. С. 126-133.
5. Гукетлова Л. Х. Эмансипация женщин Кабардино-Балкарии в годы советской модернизации: автореф. дисс. ... к.и.н. Нальчик, 2012. 26 с.
6. Дневник Жанхикъ Жабоевой за 1944-2010 года: рукопись // Личный архив автора.
7. Карахалк. 1924. № 410.
8. Мамсиров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик: Эльбрус, 2004. 328 с.
9. Меретуков М. А. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 367 с.
10. Пушкарёва Н. Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования: учебное пособие: в 2-х ч. СПб. – Х.: Алетей; Изд-во ХЦГИ, 2001. Ч. 1. С. 277-311.
11. Сабанчиев Х.-М. А. Были сосланы навечно. Нальчик: Эльбрус, 2004. 160 с.
12. Сабанчиева Л. Х. Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 156 с.
13. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт в культуре народов Северного Кавказа (вторая половина XIX в. – XX в.). М.: Наука, 1983. 265 с.
14. Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 247 с.
15. Текуева М. А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917-1941 годы) // Социальная история: ежегодник. СПб.: РОССПЭН, 2008. С. 303-326.
16. Текуева М. А., Нальчикова Е. А., Гугова М. Х., Битокова Т. В. Повседневность экстремального: опыт выживания в условиях ссылки и депортации // Кавказология. 2017. № 4. С. 145-157.
17. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (ЦДНИ КБР). Ф. 2. Оп. 1.

MAIN FACTORS OF EMANCIPATION AND TRANSFORMATION OF GENDER ROLES OF WOMEN FROM KABARDINO-BALKARIA IN THE 1920-1950S

Kononov Andrei Anatol'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Bitokova Tamara Vladimirovna
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
homunculus2@yandex.ru; bittoma7@gmail.com

The article is devoted to studying the processes of changing the gender display and emancipation of women in Kabardino-Balkaria in the period of the 1920-50s. The process of emancipation is considered from the point of view of mentality and everyday life of the peoples of Kabardino-Balkaria. The authors come to the conclusion about the exogenous nature of social changes. The paper proves that in the situation of catastrophic circumstances of war and repression, as well as political struggle of the Soviet government with patriarchal relations, there was a change in the behavioural frames of the republic's population.

Key words and phrases: gender; emancipation; women's history; daily life of exiles; Kabardian women; Balkar women; Kabardino-Balkaria.